

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

СОННЫЕ РЫБЫ

Ее вполне можно назвать книгой-версией. Но ведь и по поводу того, что произошло в 1908 году — падения Тунгусского метеорита — существует множество версий. Как и о происхождении жизни, или, скажем, пятом измерении...

Почему бы не рассказать историю, случившуюся с журналисткой Таней, которая началась со случайной встречи с загадочной старушкой?

* * *

— Вы мне не поможете? — обратилась к Тане маленькая, сгорбленная, из какого-то мультика старушка. — Я тут одна не пройду.

Таня засунула только что купленную газету с собственным материалом (а так хотелось его тут же прочесть) в сумку, взяла невесомую бабульку под руку.

Старушка подняла кверху голову, Таня увидела все в морщинках молодое лицо. Бывает же такое. Вид глубокой старухи, а приглядеться — на тебя смотрит красивая женщина. Особенно выделялись большие темные пронизательные глаза.

— Меня зовут Лукерья Петровна, я из какой-то сказки, а вот из какой не знаю, — сказала старушка.

Таня осторожно пробиралась между ледяных надолб.

Казалось, если поскользнется и уронит старушку, та тут же рассыпется, как хрустальная ваза. Действительно, из какой-то сказки.

— Таня, — представилась Таня. — Я знаю, из какой вы сказки.

— Так скажите, пожалуйста.

— Из еще не выдуманной.

Старушка остановилась и залилась слезами смеха. Прохожие, совершавшие сложные телодвижения, чтобы удержаться на поверхности хорошо промоченного дождем, а потом схваченного морозом снега, на мгновение останавливались и оглядывали странную парочку.

Старушка вдруг замолкла и дернула, как возница вожжу, Таню за рукав.

Таня хотела отреагировать на этот жесткий приказ, но сдержалась. Все-таки она очень стара, что с нее возьмешь.

— Вы знаете, где мы сейчас проходим? — спросила Лукерья Петровна.

И сама себе ответила:

— Мимо Союза писателей. Там сидит человек, который очень много говорит слов (и

пишет тоже) про нашу страну, как ее нужно беречь и любить... А вот дорожки не почистил, и я бы одна никогда здесь не прошла. Я ему письмо напишу, он меня послушает.

— И уберет тротуары?

— Уберет, — убежденно сказала Лукерья Петровна. — Ведь это я сделала его писателем.

Таня внимательно посмотрела на нижний этаж, на котором находилась старушка-божий одуванчик.

— Вы писательница?

— Ну да, — удивленно сказала Лукерья Петровна. — Детская. Я много для них книг написала. Со взрослыми я бы не знала, как прожить жизнь. Бог тому свидетель.

Они, наконец, миновали опасный участок территории Союза писателей. Таня уже собиралась прощаться. Старушка явно шла в метро, где могла совершенно безопасно передвигаться сама.

— А не кутнуть ли нам? — спросила вдруг Лукерья Петровна, по-мальчишески задрав голову, прямо посмотрев темными глазами на Таню.

— Что вы имеете в виду? — вздрогнула Таня (ее ждала подружка у «Альфабанка»).

— Вы ведь журналистка Татьяна Дробот, я не ошиблась?

Таня от неожиданности остановилась.

— Я вас по одной телевизионной передаче

запомнила. Вы у Юлия Зотикова были. И очень хорошо молчали. Я редко вижу так хорошо умеющих молчать людей.

Открою секрет, я вас выглядела еще у киоска, когда вы газету покупали. И решила завязать с вами знакомство, потому и попросила помочь мне одолеть этот ледник.

Я бы могла и сама через него переползти, уже это делала. Я живу тут совсем недалеко. Взамен я вам наговорю много интересных вещей для ваших будущих публикаций.

У вас лицо честного человека, а я давно уже хочу поговорить о своей жизни, а говорить не с кем. Все умерли.

Последние слова поразили Таню своей простотой и жизнерадостностью, будто сказано было «все переженились».

Таня посмотрела на часы. Зинка уже топчется от холода, ждет. Таня решительно достала мобильный телефон.

— Зинуля, здесь такая история.

Таня быстро рассказала, почему она сейчас не может прийти, рассказала без всякой утайки, потому что не любила никаких утаек.

И даже забыла, что рядом стояла Лукерья Петровна, которая и стала причиной нарушения договора и которая, конечно же, слышала, как о ней говорили в третьем лице.

— Я свободна, — сообщила Таня детской писательнице Лукерье (так про себя начала называть новую знакомую).

— Это очень хорошо, что вы все рассказали своей подруге. Теперь я буду знать, что ради меня вы совершили бескорыстный шаг, попытаюсь отплатить той же монетой.

Лукерья чуть выпрямила сгорбленную спину, быстро засемила в обратном направлении.

— Я живу в доме возле газетного киоска, — обернувшись, сказала она.

— Давайте я вам помогу.

— Не надо, деточка, я сама. У меня ловкие ноги.

И старушка, которая совсем недавно охала и постанывала, ловко шла по скользанке, только однажды пошатнулась и опасно накренилась.

Таня шла позади, выпростала уже руки, но Лукерья справилась.

Дом, в котором жила Лукерья Петровна был сталинской постройки. Наверное, еще коммунистическая партия дала здесь квартиру за заслуги перед советскими пионерами в деле правильного идеологического воспитания.

Лифт, похожий на старый дубовый шкаф, скрипя и издавая тяжелые склеротические звуки, поднял их на пятый этаж.

Лукерья порылась в небольшой сумочке,

которая была у нее припрятана за пазухой, достала ключ.

Это квартира моего мужа, — сказала Лукерья, словно подслушав недавние Танины мысли. — Он покончил жизнь самоубийством. Его затравили.

Это был честнейший человек. Коммунист от Бога.

В квартире пахло старостью. Этот запах хорошо был знаком Тане, бабушка ее умерла в 93 года. Здесь все было старое, но добротное. И было идеально чисто. Только на высоких потолках кое-где свисала паутина.

— Я туда не достаю, — перехватила Танин взгляд Лукерья Петровна. — А просить не люблю.

— Давайте я сейчас быстренько все сделаю, щетка с палкой у вас есть?

Лукерья строго посмотрела на Таню.

— Сделай, голубушка. Мне неудобно тебя просить, но ты сама изъявила желание. А щетка на кухне.

Таня на такой кухне еще не бывала. Огромная и пустая.

Здесь вполне можно было еще одну комнату разместить. Возле самого потолка, в углу, висел старый, в некоторых местах помятый, алюминиевый таз, а чуть ниже примостилась щетка, похожая на веник.

Таня быстро справилась с работой, заодно

обследовав все четыре комнаты.

— У вас настоящий замок, — сказала Таня, ставя щетку у дверей гостиной.

— Да, — согласилась Лукерья, — квартира у меня хорошая, царских времен. А вот сейчас хотят ее забрать.

— Как это — забрать? — удивилась Таня.

— Очень просто: назначили такие коммунальные тарифы, что никакой пенсии не хватит заплатить.

Вот я и не плачу. Так ко мне уже и милиция являлась. И еще какие-то нехорошие люди. Я чувствую, они и зарятся на мою квартиру.

Но она у меня приватизированная, так что нельзя меня выселить, признав неплатежеспособной.

Последнее слово Лукерья выговорила с трудом и посмотрела на Таню.

— Мне нужна хозяйка здесь, кто бы меня мог защитить. Я не хочу умирать на чужбине. Здесь я живу со всеми своими, пусть они и умерли.

Я с ними разговариваю, иногда и всплакнуешь. Говорят, слезы женщине продлевают жизнь. А я еще хочу пожить. Любопытно, что будет дальше. Вот кем ты, Танечка, например, станешь. И выйдешь ли замуж. Парень есть, конечно.

— Нет парня, — сказала Таня и села за овальный дубовый стол с резными обечайками.

Детская писательница также села и облокотила голову о руки, устремив на Таню глаза.

— Таким как ты с парнями очень трудно. Ты честная и добропорядочная девушка, а они нынче гоняются за вульгарными и намазанными. Не смотрят, что в душе.

— Так, наверное, всегда было, — сказала Таня, вспоминая, что же ее зацепило при уборке квартиры, что она не может свободно мыслить.

С ней такое бывало: что-то увидит интересное и тут же забудет, а потом это «что-то» не дает прохода мыслям. И разговариваешь потому частенько невпопад.

Таня вспомнила. На большом книжном шкафу в библиотеке стояла картина — портрет мужчины в военной форме.

Лицо военного показалось Тане очень знакомым. И еще она отметила очень добротную живопись. Не мазня какая-то, а хорошо грунтованное полотно, покрытое точными мазками.

— Я видела в кабинете на шкафу портрет военного, — сказала Таня. — Вы не скажете, кто это? Мне показалось лицо очень знакомым.

— Конечно, знакомое. Это ведь твой отец.

— Как вы сказали? — онемевшим голосом произнесла Таня.

— Я сказала, что это твой отец. А я сижу тут и жду, увидит кровушка родную кровушку или нет.

Даже сердце забилося сильно.

Ты мне водицы принеси.

Таня встала и, как во сне, пошла на кухню, набрала в огромную черную от накипи изнутри чашку воду из крана.

Лукерья сделала короткий глоток, словно не воду пила, а огонь, легко вздохнула.

— Теперь-то тебе все и расскажу. А ведь несколько лет ждала этого момента. Все никак не решалась. Я ведь твоя бабушка, а это мой сын, следовательно, твой отец.

Таня сорвалась с места и побежала в библиотеку. Вернулась через несколько минут.

— Да, очень похож. Я у мамы видела фотографию, но плохую, там отец вместе со своим братом.

— Аркадием. Старший военным врачом был. Та фотография и у меня есть. А портрет написан моим братом, он был известным художником и очень любил твоего отца. У самого детей не было, так он просил меня отдать ему Андрея.

— Андрея? Разве отца звали Андреем?

— Андреем. Это твоя матушка его переименовала, чтобы нам всем насолить, от нас совсем отгородиться.

Твоя мать была очень плохим человеком. Сыну моему изменяла, разорила его совсем. Я прокляла ее, на порог не пускала, сама ее порога не

переступала. Вот почему ты меня и не знала. Скорее всего, она рассказала тебе, что твой отец погиб, а родственников у него нет.

— Вы правы, — тихо сказала Таня. — Но прошу вас, не говорите так о матери.

— Больше не буду, мне о ней и говорить нечего. Ее Бог наказал, и ты это знаешь.

Таня сейчас была вне своего тела. Все, что произошло за какой-то час, не умещалось в сознании и выталкивало из телесной оболочки.

— Теперь ты понимаешь, почему я появилась у газетного киоска?

— Да, понимаю. Нехорошо всю жизнь питать злость к людям, даже если они и сделали в свое время тебе плохо. Надо уметь прощать, иначе черная энергия вернется к тебе.

— Да ты меня уже и учишь. А я ожидала, что набросишься с вопросами, что да как? А ты...

— Бабушка, на земле живут разные люди. Вы сами сказали мне про мое лицо. Я ничего про себя говорить не хочу. Я такая, как есть, делаю все, чтобы стать еще лучше. Но срываюсь, а потом за свои срывы страдаю.

— Ты вся в отца. Вот кто спуску себе не давал. Я ему постоянно говорила, выкинь из головы, а он никак успокоиться не мог, все казалось ему, что обидел человека ни за что ни про что.

— Я про отца ничего не знаю. Мама так

внезапно умерла. Обещала все рассказать об отце, когда у меня будет ребенок.

— Дочери ни слова не сказать об отце. И все потому, что шлендра. У нее еще был ребенок, но она от него избавилась.

Таню эта новость никак не тронула. Она смотрела на Лукерью и понимала, что ненависть к ее матери у этой старой женщины еще ярко горит. И любые ее слова будут пропитаны ядом.

А решилась она пойти к газетному киоску, в котором Таня всегда покупала прессу потому, что одиночество ее доканывало. К тому же нависла угроза потери квартиры. Страх и пригнал ее к своей внучке. А так бы до смерти не напомнила о себе. На лице это написано.

А ведь сочиняла детские книжки. Целый шкаф этих книг в библиотеке стоит. Надо почитать. Но все равно, детский писатель должен быть очень добрым.

— Ну что же, пора и чайку попить.

Ты посиди тут, а я быстро, у меня чайник электрический.

Таня осталась одна. На нее навалилась густая тишина. Ей доводилось по работе в разных домах бывать. Заметила, что особенно отличаются помещения, в которых люди живут, качеством тишины.

В одном случае она звенит от пустоты, в

другом, как сейчас, насыщенная, многослойная. Если надолго остаться одной, то обязательно услышишь чьи-то голоса. Да и сейчас, пока Лукерья готовила чай, слышались легкие вздохи и шорохи.

Это вещи разговаривали.

Таня несколько месяцев назад написала первую свою статью по науке. Раньше писала на злободневные темы, куда редактор пошлет.

Даже о проститутках приходилось — ночных бабочках на Окружной дороге. А вот недавно ее отдел соединили с отделом науки в целях экономии.

И она сделала первое интервью с молодым ученым, занимающимся проблемами Тунгусского метеорита.

Ученый утверждал, что это был не метеорит вовсе, а космический корабль одноразового использования. И что он готовил условия для высадки большого десанта.

После этого интервью Таня ходила, как чумная, даже голова разболелась. Очень похоже на состояние от присутствия Лукерьи. Что-то в молодом ученом и старой детской писательнице было общим.

И тишина в этой квартире особенная. Какая-то шелестящая, словно шепотом кто-то разговаривает. И одновременно очень тихо.

И Лукерья говорила, что разговаривает со

своими родными.

Таня поймала себя на мысли, что упорно не называет отчество Лукерьи. Что-то здорово сопротивляется. Верить ли ей, что она родная бабушка, может, все это мистификация?

Как-то все очень странно. Вдруг возникает на ее пути старуха, которая просит ей помочь. Затем она приводит ее в дом...

Таня не успела углубиться в размышления, Лукерья внесла золотой поднос с маленьким чайником, двумя большими красными чашками и вазочкой печенья.

Лукерья вошла так тихо, что только настороженность слушавшей тишину Тани указала ей на присутствие в комнате еще одного живого существа.

Лукерья несла поднос на вытянутых руках, горб гнул ее к земле. Казалось, поднос сам летит по воздуху.

Таня хотела встать и помочь, но ноги не двигались. Она пошевелила правой ступней, все вроде в порядке, но встать не могла.

— Я уже тут, — сказала старуха, ставя поднос на стол.

Поднос был очень интересным: золотым со специальными нишами для посуды. Для чайника, чашек, вазы... Такие подносы Таня видела на военном корабле на подводных крыльях, с которого

делала репортаж в номер.

Лукерья внимательно посмотрела на Таню.

— Не о хорошем думала, не о хорошем. Меняй свои мысли, так нельзя.

— Я думала ни о чем, — сказала Таня, беря чашку и наполняя ее чаем.

— Как можно думать ни о чем?

— Вы ведь, Лукерья Петровна, писатель, должны знать это состояние. Перед тем, как родится мысль, надо немного потомиться. Мысль должна созреть, как кипяченая вода проникнуться ароматом, чтобы стать чаем.

— Верно, мысль сразу не рождается. У иных только потому, что нет органа, который бы ее производил.

— Это вы обо мне?

— Может, и о тебе. Но у тебя такая профессия, что тебе думать следует, иначе и двух слов не произведешь. Я столько написала в своей жизни, что любую мысль могу вызвать, и она тотчас явится. Мозг натренирован, а мои нейросети всегда готовы соединиться.

— Да, я читала про нейросети и про то, что они сложившиеся и возникают по первому требованию мозга.

— Ты девушка разумная, понимаешь меня с полуслова. Однако думала нехорошо. Я свой воздух, свое пространство в квартире знаю, им

дышу, им живу. И сразу заметила изменения. Кроме тебя, их некому было произвести. Теперь будем пить чай, и я расскажу тебе кое-что интересное.

Они стали пить чай. Лукерья пила его из блюдечка, предложила блюдце и Тане, но Таня отказалась.

— Ты по отцу скучаешь? — спросила неожиданно Лукерья.

— Станный вопрос. Как можно скучать по кому-то, кого и не видела, кого и не знаешь?

— Можно, можно. Ты ведь отца видела, просто он не остался в твоей памяти, хотя, если хорошенько порыться в ней, то и увидишь...

Впрочем, мы можем это проверить сейчас. Хорошо, что ты чай выпила, вода помогает восстанавливать память. Хочешь увидеть отца и поговорить с ним?

Таня засмеялась.

— Сразу видно, что вы детский писатель, сказки любите.

— Я их миллион, сказок, написала, но не все сказки сказки. Человек выдумать ничего не может, он живет по законам воскрешения.

То, что умерло, всегда можно восстановить, а того, чего не было, никогда не восстановишь. И фантазия твоя тут бесполезна.

— Получается, что писатели-фантасты ничего не выдумывают?

— Абсолютно ничего. В жизни Космоса уже все было, все можно найти, нужно только для этого иметь соответствующую аппаратуру. Свою, не электронную.

У фантастов сильно развита скорость мышления. Они отсылают свои сигналы в космос и ловят там информацию (какую смогут догнать), переводят ее на свою волну.

Таня удивлялась все больше и больше. Бабуля шибко грамотной оказалась, рассуждала примерно так же, как и Иван Рудой, тот молодой ученый, у которого Таня брала интервью по поводу Тунгусского метеорита.

— А теперь закрой глаза и сделай так, чтобы перед твоими глазами была густая темнота. И слушай меня.

Таня выполнила указание Лукерьи. Закрывает глаза, нагнала темноту.

— Сейчас ты увидишь узкую комнату. Это комната находится в цирке, здесь сейчас расположен военный госпиталь. На койке у окна лежит твой отец, а рядом с ним собака. Ты видишь ее?

— Нет.

— Еще раз повтори, не отвлекайся. Темноту погуще завари.

— Теперь вижу.

— Подойди к окну и посмотри в лицо отцу.

Ты видишь его?

— Вижу.

— Ближе, ближе.

Таня не верила себе, она видела мужчину, лежавшего под шинелью, на подоле которой был оторван кусок.

Но лицо мужчины скрывала пелена. И приблизить лицо Таня не могла.

— Смотри, смотри дольше, — говорила Лукерья. — Даже если не различаешь черт, смотри, потом лицо проявится.

Таня напрягла внимание, но лицо не проявлялось.

— Заканчиваем. Долго нельзя.

Таня открыла глаза.

— Мужчину видела, даже шинель очень хорошо. И собаку — дог пятнистый, у него, кажется, больные ноги.

Лукерья с усмешкой смотрела на Таню.

— У тебя получится. Ночью обязательно повтори.

— Может быть, вы, Лукерья Петровна, гипнотизер?

— Это неважно, кто я такая, главное, чтобы ты нашла своего отца и моего сына.

Таня едва не поперхнулась чаем, который снова налила себе в чашку (такого вкусного ей еще не доводилось пить).

В этой детской писательнице сидело сразу несколько человек. То она была согбенной старухой, которая жалостливо заглядывала ей в глаза, то ученым, то, как вот только что, властной женщиной, способной заставить чужую волю подчиниться своей.

— Я тебе дам адрес. Ты поедешь и найдешь своего отца.

— Он жив?

— Жив. Все об этом говорит. Ты видела картину сама, но она времен, когда твой отец лечился в госпитале, а такие картины не возникают, если оригинал отсутствует на земле.

Я специально на тебе проверила. Но я поняла, что мой сын жив еще у газетного киоска.

Таня ничего не понимала. Что это все значит? И почему Лукерья соврала, что она ее бабушка? Сейчас Таня могла с уверенностью сказать, что Лукерья это сказала намеренно. У нее есть какая-то цель. И эту цель ей должна помочь достичь Таня.

Что-то здесь не сходилось.

Но Таня была настолько подавлена, что и вопрос не могла задать. Она должна была сейчас сделать выбор: или уйти, или остаться и доиграть сценарий, который был у старухи. Теперь Тане казалось, что и не детская она писательница, просто по своему стилю не подходит.

Таня видела детских писательниц. С одной

делала материал, но там была мягкость и даже нежность к тем, для кого писались тексты. А Лукерья этих качеств не имела. Своей интуиции Таня верила.

Она ведь сразу назвала старуху Лукерьей, не почувствовав ответного тепла. А ведь должна была радоваться, что нашлась ее родная бабушка. Лукерья все говорила правильно, но как бы не в той плоскости, не на волне родной крови.

— Ты, я вижу, мне не доверяешь. Напрасно. Я хочу, чтобы ты обрела отца, а я записала себе еще одно доброе дело.

И тогда написала бы очередную книжку. Я не могу сесть за стол и начать писать новое, пока не совершу доброго дела.

Таня молчала. А что она могла ответить? Что она подозревает в чем-то Лукерью, не верит ей? Тогда, спрашивается, чего она здесь чаи распивает?

События происходили с такой скоростью, что Танин мозг не успевал обрабатывать материал. Много времени уходило на то, чтобы пытаться поверить (Таня привыкла доверять словам человека), а потом, испытав слова на детекторе интуиции, вернуться к исходной точке.

— Ехать надо в Москву, а там тебе расскажут, что делать дальше. Сейчас иди на вокзал, покупай билет. Завтра мы встретимся на вокзале, я тебе все подробно объясню. Все, ступай. Мне следует

отдохнуть, устала.

Отойдя метров сто от дома, Таня оглянулась... На пятом этаже этого комода живет странная старуха, которая вдруг вонзилась в ее жизнь, как нож в спелый арбуз. Таня чувствовала чудовищную опасность и чудовищное любопытство. Что все это значит?

Она скользила взглядом по окнам дома, сумрачно нахлобучившего на себя высокую шапку снега. И вдруг увидела блеснувшие резким солнечным лучом глаза старухи.

Это несомненно была Лукерья. Она следила за Таней. Что она думала в данный момент?

Таня повернулась и ощутила взгляд Лукерьи на спине, ее словно бы подталкивали — иди.

И она пошла. Ей снова хотелось оглянуться, но неизвестная сила сдерживала. Так Таня дошла до фанерного домика, стоящего в сквере, зашла в кафе. Ей хотелось посидеть в тишине, все тщательно обдумать.

Дома она будет думать о другом, потому что там намолено ее мыслями, а здесь в пространстве никаких мыслей пока нет.

Подошла молоденькая, вчерашняя школьница, по всему видать, официантка.

— Что будем кушать? — голосом взрослой официантки спросила она.

— Кофе полуторный и сардельку с кусочком

хлеба, — заказала Таня.

— Что еще?

— Больше ничего.

Девушка резко повернулась, всем видом показав, что если уж пришла в такое уважаемое заведение, в котором она работает, то веди себя прилично — заказывай, как настоящий посетитель.

Таня пропустила эту шпильку, она мысленно начала раскладывать бабушкин пасьянс. Хотя лучше было бы сказать, следовательскую карту.

Первый вопрос, который начал мучить ее — зачем все это делала Лукерья, которая никакой родной ее бабушкой не была.

Это стало очевидным. В этом, по сути, она призналась в конце разговора. Правда, прямо об этом не сказала, но дала понять, что Таня верно догадалась.

Может быть, она действительно из благородных побуждений.

Становилось смешно. Непохоже, чтобы бабуля (как только Таня поняла, что Лукерья не ее родная бабушка, тут же прилипло другое название) разбавляла таким образом свою старческую тоску. Значит, есть свой замысел. Может, Лукерья действует по указке отца, который написал, чтобы она прислала дочь к нему.

Но почему через Москву? Скорее всего, у него семья... его осудили за какое-то преступление, и он

отбывает наказание, работая бухгалтером в захудалой конторе, или на приисках...

Несуразные мысли лезли в Танину голову. Прииски какие-то...

Таня медленно ела, поглядывая в окно. По засыпанным снегом тротуарам, тщательно ощупывая землю ногами, передвигались люди.

Наконец пришла настоящая зима. Мороз, снежок... Но на улицах не убирали, и люди проклинали эту красивую зиму. Однако из окошка теплого кафе приятно было наблюдать зимнюю красоту.

Таня засмотрелась и не заметила, как напротив устроилась женщина в шикарной норковой шубе.

Женщина достала билет и протянула его Тане.

— Что это? — спросила Таня.

— Билет на поезд, Лукерья Петровна попросила вам передать.

Женщина встала, осмотрела стол.

— Приятного аппетита и приятной дороги, вы выезжаете сегодня вечером, там время указано. Вас никто не будет встречать, на месте ориентируетесь. Я вам дала еще конверт с письмом, все из него и узнаете. До свиданья!

И женщина неторопливо ушла, строго ставя ноги в одну линейку.

Таня посмотрела билет. Поезд уходил на

Москву в 11.45.

Времени было достаточно, она могла еще посидеть в кафе, подумать о событиях последнего дня. И сообщить главному редактору о своем отъезде. Переработок у нее было хоть отбавляй, все праздники в дежурных по номеру просидела, так что...

Но ей не думалось, состояние было такое, будто ее заморозили, и она погрузилась в инееобразную дрему.

* * *

В таком состоянии она и доехала до Москвы: ни слова не произнесла. К ней обращались соседи по купе, а молодой лейтенант даже попытался за ней приударить, все хотел напоить коньяком, а напоил соседку — толстую бабу, которая мощным мужицким храпом перебивала гулкой стук вагонных колес.

Из-за этого храпа лейтенант в конце концов перебрался в соседнее купе, а Тане пришлось всю ночь слушать эту сомнительного качества музыку. Дремотное состояние ее спасло. Она не любила храпунов и этого утробного звука. Все время казалось, что человека надо срочно спасать, а то он задохнется. И если бы не ее чуть ли не марзматическая рассеянность, то и спасала бы.

Она прочитала письмо, которое писала явно не Лукерья. Почерк был твердый, слова уверенными. Ей предлагалось в Москве посетить центральный Ломбард и спросить Евгению Олеговну Курочкину. Она даст точный адрес отца и расскажет, как действовать дальше.

Таня насторожилась на этом слове «как действовать». Напоминало дешевый роман про разведчиков.

Курочкину она быстро нашла. Москву знала неплохо, найти центральный ломбард было легко.

Курочкина оказалась в том же возрасте, что и Лукерья (Таня подумала, что они сестры, имелись схожие черты, к примеру, темные цыганские глаза).

Курочкина утащила Таню в ресторан в подвале, там вкусно накормила. И все время смотрела, как на родное дитя, вернувшееся после долгой разлуки. Таня хотела поговорить с Курочкиной, задать ей несколько вопросов относительно отца и вообще всей этой истории, но ей было лень говорить, да к тому же сама Курочкина болтала без умолку.

Она рассказывала о последних московских новостях, а самоубийце соседу, который едва не сжег дом, пытаясь отравиться газом.

— Нет, чтобы просто повеситься, никакого вреда окружающей среде, — говорила торопливо Курочкина, — так он решил отравиться газом,

будто не знает, что газ может взорваться. У нас давече полдома снесло взрывом газового баллона и чего-то там еще.

Курочкина рассказывала о жизни Ельцина, о волнениях и скорой революции.

— Будем возвращать награбленное, — сказала Курочкина напоследок.

Таня с удивлением посмотрела на нее, нашлась революционерка, едва передвигающая ноги. Правда, аппетит у этой старушки был зверским: съела почти всего цыпленка-табака. Тане не хотелось есть, и она отдала и свою порцию, от которой Курочкина не отказалась.

Курочкина передала Тане билет до Костромы, сказала, что там ее никто встречать не будет. При этом лицо у нее было радостным.

— И я должна буду найти... — продолжила Таня, которая собрала все свои силы, чтобы хоть что-то сказать и убедить себя, что она еще нормальная и не парализованная.

— Вы должны будете придти к моей сестре Эмилии, она живет... Впрочем, обо всем прочтаете в этом письме.

И Курочкина сунула в руки Тане точно такой же конверт, какой всунула ей женщина в кафе.

В поезде было душно, а соседями по купе оказались две девицы, которые ехали на свадьбу.

Они все время смотрелись в зеркала,

щебетали, как ласточки на электрических проводах. Был в купе еще суровый мужик, который стоял все время в тамбуре и сосредоточенно курил, словно выполнял чье-то ответственное задание по уничтожению количества сигарет для сохранения здоровья человечества.

Вид у мужика, от которого разило табачным перегаром за версту, был очень ответственный.

Девицы щебетали на своих проводах о каких-то завистницах и о невесте, которая в свое время хорошо погуляла. Ее весь Воронеж помнит до сих пор, сказала одна из девиц, ничуть не осуждая, а даже с завистью.

Девицы и во сне что-то говорили, а мужик и ночью курил в тамбуре. И Таня всю ночь ждала, что он уляжется напротив нее на второй полке и будет дышать на нее жутким вонючим воздухом.

Она отворачивалась к стенке, но не могла спастись от представляемой картины.

Но мужик упорно стоял в тамбуре, как на посту. Может быть, он знал, что причинит неудовольствие соседям по купе, потому так героически вел себя. А может, он не любил женщин и их запаха.

Такое с Таней случилось несколько лет назад, когда сосед, обнаружив сплошь женскую среду в купе, попросил проводника переселить его. И на вопрос, почему она, проводница, должна это